

Научная статья
УДК 323.1
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.5>

Социально-политическое значение диаспор для развития государств Юго-Восточной Азии

Ван Юнхао

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 406065267@qq.com

Аннотация. Данная статья раскрывает социально-политическое значение диаспор в системе международных экономических и политических отношений в Юго-Восточной Азии, описываются национально-культурные особенности развития разных государств региона в свете функционирования на их территории национальных групп населения. На примере тайской и китайской диаспор описываются особенности их расселения, деятельности и влияния на внутрирегиональные политические и социальные процессы. Отмечается интеграционное следствие ослабления национального влияния родины на этнические группы переселенцев, укрепляющееся в результате противостояния граждан общим проблемам, решаемым членами диаспор совместно с местным населением. И напротив, рассматривается дезинтеграционный сценарий существования мигрантов в принимающем социуме, а также ассимилятивные процессы разного уровня, обусловленные влиянием на диаспоры основного этнического сообщества. В качестве яркого примера последнего описывается явление китаизации Южно-Азиатского региона под влиянием упрочения позиций Поднебесной на международной арене.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, диаспоры, нация, современный мир

Для цитирования: Ван Юнхао. Социально-политическое значение диаспор для развития государств Юго-Восточной Азии // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6. С. 35–41. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.5>.

Original article

Socio-Political Significance of Diasporas for the Development of Southeast Asian States

Wang Yonghao

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, 406065267@qq.com

Abstract. This article reveals the socio-political significance of the disparity in the system of international economic and political relations in Southeast Asia, describes the national and cultural features of the development of different states in the region in the light of the functioning of national population groups on their territory. Using the example of the Thai and Chinese diasporas, the features of their settlement, activities and influence on intraregional political and social processes are described. There is an integration consequence of the weakening of the national influence of the motherland on the ethnic groups of immigrants, which is strengthened as a result of the opposition of citizens to common problems solved by members of diasporas together with the local population. On the contrary, the disintegration scenario of migrants' existence in the host society is considered, as well as assimilative processes at different levels due to the influence of the main ethnic community on diasporas. As a vivid example of the latter, the phenomenon of the Sinification of the South Asian region is described under the influence of the strengthening of China's positions in the international arena.

Key words: Southeast Asia, diasporas, nation, modern world

For citation: Wang Yonghao (2022) Socio-Political Significance of Diasporas for the Development of Southeast Asian States. *Society: Politics, Economics, Law*. (6), 35–41. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.6.5](https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.5) (In Russian).

Диаспора – это совокупность людей одной нации, вынужденных по разным причинам покинуть место своего происхождения (Ле Ань Куан, 2010). Само слово происходит от греческого *διασπορά* («диаспора») – «рассеивать» и первоначально использовалось для обозначения расселения евреев, которые были вынуждены покинуть страну сотни лет назад и сегодня рассеяны по всему миру. Следовательно, оно тесно связано с идеей изгнания. Современное значение этого понятия было расширено, и теперь оно трактуется как любая нация, общность или группа людей, рассредоточенных за пределами страны происхождения.

Причины, порождающие диаспоры, разнообразны и могут быть связаны с религиозными, этническими, социальными и политическими конфликтами, а также с экономическими проблемами. Наличие любой из них может привести к тому, что группа людей будет вынуждена покинуть место своего происхождения (Мосяков, 2008).

До начала Второй мировой войны Юго-Восточная Азия оставалась зоной, почти полностью контролируемой европейскими империями, сделавшими большинство стран региона своими вассальными территориями (Ефремова, 2018). Они проводили политику разжигания этнических конфликтов для обеспечения принципа управления «разделяй и властвуй». Культурное и религиозное разнообразие населявших зависимые государства этносов и факт относительно позднего национально-образовательного процесса являлись поддерживающими факторами для такого положения дел в Юго-Восточной Азии (Золотухин, 2011).

Поэтому можно сделать вывод о том, что этническое самосознание народов в регионе формировалось в условиях политического и религиозного насилия со стороны европейских государств. Попытки установления политического господства азиатских государств-лидеров (Япония, Таиланд), направленные против периферийных районов континента, создавали аналогичную ситуацию.

Антиколониальный национализм как общественное явление, несомненно, способствовал возникновению диаспор в разных регионах Малайи, Индонезии или Бирме в 40–50-х годах XX века, он являлся выражением усилий местных элит на пути к собственной независимости. Такие настроения в регионе сохранялись и в 1960–70-е гг. на фоне Индокитайского конфликта и Зимней войны.

Интеграция населения на фоне антиколониальных убеждений позволяла гражданам противостоять местным националистам и этническим сепаратистам в Ачехе, Паттани или Молуккахи выражалась в попытках построить единое сообщество. Исследователи отмечают, что в тот временной промежуток сила воздействия антиколониального национализма в регионе заметно ослабевает (Kang, 2007). Это связано, с одной стороны, со все более отдаленной исторической перспективой, что также является результатом глобализационных процессов, а с другой – с возрастающей пространственной мобильностью населения и прогрессивной культурной трансгрессией.

В сущности, колонизаторы, кроме осуществления контроля экономической и политической сфер, редко стремились глубоко проникнуть в культурную область своей периферии. Единственное исключение составляет политика Испании на Филиппинах, проводившаяся в 1571–1898 годах.

Правители в Мьянме, Сиаме и Камбодже стремились поддерживать определенные формы общности среди местного населения, чаще всего прибегая к религиозным нормам, однако придворная культура веками сохраняла свой элитный характер, а контакты правящих групп с населением были крайне ограничены. Так, строительство филиппинского государства основывалось на структурах, оставшихся от трех столетий испанского господства. Местные диаспоры, такие как тагалог, себуано или илокано, не могли повлиять на направления политики постколониального государства (Найданов, 2016).

В Индонезии, начиная с 20-х годов XX в., обозначили свои интересы такие национальные группы, как яванцы, минангкабау, батаки, несмотря на структурную слабость местного общества и отсутствие институциональной поддержки. Антиколониальные движения сделали ставку на единую модель государства, апеллирующую к лозунгам общей паниндонезийской Родины, народа и языка. Часть лидеров стремилась, правда, следовать традициям старого государственного национализма по европейскому образцу. Однако за пределами Камбоджи, Вьетнама или Лаоса с трудом проходило простое прославление доколониального прошлого. Традиция прежней государственности использовалась скорее для дополнительной легитимности омnipотенции власти. Уже в независимой Бирме или Индонезии это нашло выражение в жестоких репрессиях против всех, кто восстал против государства.

Рассмотрим процесс становления национального самосознания народов стран Юго-Восточной Азии на примере Таиланда и живущих на его территории национальных меньшинств. Страна долгое время воспринималась, нередко и западными исследователями, как государство культурной, религиозной и лингвистической однородности, окруженное многонациональными и мультикультурными соседями. По сути, этническая структура Таиланда была намного сложнее, чем отмечалось в разных научных трудах: наибольшую из групп, населяющих Таиланд, составляли наследники этнической группы Тай-Кадай, которых в наши дни чаще всего называют центральными тайцами, сиамцами или этническими тайцами. Эта группа исторически обосновалась в бассейне реки Менам вокруг современного Бангкока. Их диалект стал основой официального национального языка Таиланда. Из Тай-Кадаи происходят и другие, более мелкие, тесно связанные с сиамцами языковые группы, предки которых пришли из Северной Бирмы, Лаоса или южного Китая – чане и луэ.

Другим национальным меньшинством Таиланда является диаспора Тай-Лао, которая проживает на территории Лаоса и Камбоджи – провинции Исаан, с конца XVIII века находившаяся

под тайским контролем. К концу XIX века она была разделена на ряд относительно независимых княжеств, правители которых оставались вассалами тайского короля.

Укреплению чувства обособленности жителей Исаана способствовала и политика Бангкока, связанная с жестоким подавлением волнений в этом регионе в конце XIX века и во второй половине XX века. Оплотом идентичности, но в то же время и центрами политического противостояния здесь стали монастыри, поддерживающие северную разновидность тхеравадского буддизма.

На северо-востоке и в центральной части Таиланда проживает многочисленная группа людей, говорящих на языках Пху Тхай, Йо, Лао Сонг или Лао Пхуан. Это потомки иммигрантов, прибывших сюда из Лаоса еще в XIX веке.

На третьем месте по численности в Таиланде – население Хон Луанга, этих людей называют также и северными тайцами. Термин «Хон Луанг» буквально означает «народы из княжеств» и относится к людям, проживающим на исторических территориях образовавшегося на рубеже XIII–XIV вв. королевства Ланна, которое постоянно находилось в разной степени зависимости от других государств – сначала от Бирмы, а затем от южных соседей из Сиам. Сегодня государство характеризуется высоким уровнем осознания его гражданами своей культурной и политической обособленности.

Население Хон Луанга составляет около 18,8 % от всех граждан Таиланда, представители этой диаспоры проживают в северных районах страны – в Чиангмае, Лампанге и Лампуне (Попков, 2003). Хон Луанг, как и исаанцы, являются группой, ежедневно владеющей диалектом лаосского языка, хотя их язык (юань) существенно отличается от него. Однако следует помнить, что несходство религиозных традиций и обрядов способствовало и здесь сохранению идентичности жителей региона, а практика записи священных текстов на юане позволила обеспечить языковую обособленность некоторым диаспорам.

Относительно немногочисленную группу населения, наиболее удаленную по месту проживания от остальной части страны сообщества, составляют малайцы. Для многих из них дополнительным источником идентичности является обращение к общей исторической традиции независимого султаната Паттани.

Упомянутые диаспоры возникли в результате длительного процесса эволюции и трансгрессии. Очень медленно рождались разделяемые всеми (или почти всеми) их представителями этнические и генеалогические мифы; формировалось чувство общей идентичности, основанное на почве сходного исторического опыта, близости культуры, религии и языка.

В конце концов исполнительной силой интеграционных процессов в обществе Таиланда стало государство, являющееся конечным катализатором национально-образовательных тенденций. Исторический опыт государства нельзя назвать простым.

С одной стороны, Тайское королевство в XIX веке было вынуждено пережить насильственную модернизацию государственных структур. Конфронтация страны с новой геополитической реальностью, возникшая в результате экспансии европейских колониальных держав в Юго-Восточной Азии, несла за собой подражательное принятие различных западных институтов и идей. Правящая династия Чакри предприняла тогда, вопреки прежней политико-культурной традиции, попытки навязать единую национальную идентичность различным этническим общинам, населявшим периферийные районы королевства.

С другой стороны, следует помнить о том, что Сиа́м как одно из немногих государств Азии никогда не оказывался непосредственно под чьей-либо колониальной властью. Мерой успеха построения современного государства стал здесь отчасти сам факт сохранения суверенитета и территориальной целостности на протяжении правления династии Чакри.

Следует сказать о том, что возникновение диаспор в структуре какого-либо общества нередко приводило не к сплочению населения, а напротив – к его разобщению на фоне неприятия «чужаков». В этом отношении стоит упомянуть китайскую диаспору, с которой связано такое общественное явление, как «второстепенная китаизация». Под данным термином представляется феномен растущей представленности и самоутверждения этнических китайцев в странах Юго-Восточной Азии. Другими словами, гордость за свою нацию, публичное празднование китайских ритуалов, а также установление и укрепление социально-экономических и культурных связей с прародиной предков (иногда воображаемой) стали ключевыми символами для данной диаспоры.

Усиление национального самосознания этнических китайцев – результат трех процессов: ослабления институционального подавления их культуры и самобытности, которое продолжалось на протяжении большей части периода холодной войны; усилий Поднебесной по налаживанию контактов с китайскими общинами Юго-Восточной Азии и огромных возможностей, открываемых экономическим подъемом Китая, в результате поддержки которого этническая китайская община, обладающая значительным культурным и социальным капиталом, смогла обозначить свою идентичность.

В прошлом правительства стран Юго-Восточной Азии были полны решимости ослабить китайское влияние на национальные экономики, добиться однозначного уточнения статуса гражданства проживающих на этих территориях китайцев, прекратить иностранную деятельность среди них и продолжить образовательную и политическую интеграцию своих граждан иного происхождения. В то время китайцы в Юго-Восточной Азии считались чужаками, и это восприятие отчасти было порождено колониальной политикой «разделяй и властвуй».

Китайские мигранты в колониальной Юго-Восточной Азии содержались отдельно от коренного населения и не имели практически никаких прав на участие в политических делах. Это не только заставило их продолжать отождествлять себя с покинутой родиной. Относительная изоляция от широкой местной общественности также означала, что большинство переселенцев были социализированы только в автономных сообществах китайских мигрантов – национальных школах, СМИ, общественных организациях (конгси). Вытеснение китайцев из местного основного общества укрепило их статус иммигрантов-аутсайдеров, который провоцировал антикитайские настроения.

Коммунизация власти в Китае и усиление его «холодного» противостояния с Западом также создали дополнительную проблему безопасности для некоторых новых государств Юго-Восточной Азии, пытающихся сдерживать свои внутренние политические противоречия.

1966–1976 годы ознаменовали отход от колониального подхода в глобальном политическом пространстве. Китай стремился установить мирное сосуществование со своими новыми независимыми соседями из Юго-Восточной Азии, используя это в качестве императива внешней политики. В интересах поддержания дружественных отношений со странами региона, в частности, с Индонезией, Китай отказался от своих притязаний на лояльность эмигрировавших китайцев и вместо этого призвал их принять гражданство стран места проживания. В апреле 1955 года Договор о двойном гражданстве, подписанный Индонезией и Китаем, ограничил возможности для иммигрантов сохранять связь с Родиной. Вместо этого китайцев из Юго-Восточной Азии попросили соблюдать местные обычаи и законы, помогая при этом развивать культурные, торговые и технологические обмены между Китаем и соответствующими странами.

1978 год стал переломным для китайской диаспоры. Он ознаменовал прекращение негативизации образа репатриантов, что было обусловлено произошедшей Культурной революцией в странах Юго-Восточной Азии; на этой волне был создан политический фонд по делам диаспоры, который просуществовал до наших дней. Значимым следует считать также поворот «лицом» китайского государства к эмигрировавшим гражданам: они вновь стали рассматриваться не как обуза, а как позитивный актив для общества Поднебесной. Возрождение Комиссии по делам уехавших сограждан было направлено на то, чтобы побудить китайцев снова вернуться в Поднебесную. Случаи неправомερных обвинений в адрес гуйцяо во время Культурной революции были пересмотрены и исправлены, а конфискованное имущество и банковские счета возвращены их законным владельцам. К гуйцяо относили реэмигрантов, которые вернулись на Родину на постоянное жительство после долгого отсутствия в стране. Не стоит путать данное понятие с термином «хуацяо», под которым понимаются китайские граждане, имеющие вид на жительство в стране проживания. Воссоединение членов семьи, находящихся в Гонконге и за рубежом, также было вновь разрешено.

С точки зрения внешней политики в Поднебесной произошел поворот к практике, существовавшей до Культурной революции, когда этнических китайцев в Юго-Восточной Азии признавали своими родственниками и друзьями, даже если они получили гражданство в других странах.

Приведем некоторые примеры. Во время правления индонезийского диктатора Сухарто (1967–1998), яркого антикоммуниста, Джакарта и Пекин были отчуждены друг от друга, а использование китайского языка в Индонезии было запрещено. После ухода Сухарто в отставку страна решила расширить свои экономические, социальные и культурные отношения с Китаем. В 2008 году было объявлено, что индонезийскому народу необходимо изучать китайский язык, потому что Китай – «страна с высокими темпами экономического роста» (Шарипова, 2022).

Последние два десятилетия наблюдается стремительный рост китайских добровольных ассоциаций (основанных на организационных принципах местности, родства и рода занятий), которые проводят свои международные собрания в разных уголках мира, особенно в Юго-Восточной Азии.

В то же время происходит либерализация миграционного законодательства в Северной Америке, Европе, Австралии и Новой Зеландии, которая влечет за собой изменения во внешней и внутренней политике стран Юго-Восточной Азии. Так, например, при поддержке Азиатского банка развития Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Вьетнам и Китай вступили в программу экономического сотрудничества. Реализация гидротехнических проектов и добыча полезных ископаемых вызвали новую волну китайской трудовой миграции в такие страны, как Камбоджа и Лаос.

Сама структура китайской диаспоры претерпела значительные изменения. Для некоторых новых переселенцев миграционной стратегией стало образование: китайские дети поступают в престижные университеты на Западе. Появились новые типы семей, члены которых рассредоточены между континентами и вынуждены часто перемещаться по миру, чтобы совмещать бизнес с семейными встречами. В этих условиях актуальность приобретает дискурс транснационализма, «гибкого гражданства». С распространением Интернета и цифровых технологий взаимодействия возникло явление мультилокальности диаспор (Гордон, 2021: 35).

Однако, несмотря на кажущееся размывание границ государств, китайское государство вновь стало активно заявлять права на свою диаспору. На первом этапе экономических реформ (1978–1994) Китай особенно нуждался в поддержке всех своих граждан, в том числе проживающих в других странах. Особую роль для экономического подъема страны сыграли инвестиции представителей китайских диаспор из Гонконга, Макао, Тайваня и Юго-Восточной Азии (Игошева, 2020б: 230). С 2000 года Поднебесная сосредоточилась на развитии высокотехнологичных промышленных парков и наукоемких отраслей экономики, при этом вырос спрос на высококвалифицированных соотечественников (Игошева, 2020а), часть из которых находилась за рубежом.

Возобновление контактов с бывшими согражданами, проживающими в Юго-Восточной Азии, обусловленное экономическими интересами, игнорирует сложные процессы идентификации тех этнических китайцев, которые родились и выросли в другой стране. По мнению Н.С. Слуки, главная цель Пекина – «сформировать китаецентричную прослойку в качестве фактора государственного влияния в странах с высокой концентрацией этнических общин» (Слука и др., 2018).

В многорасовых и плюралистических обществах этого региона, где политики-иммигранты долгое время с подозрением относились к национальным меньшинствам, активная китаизация неизбежно сталкивается с сопротивлением, особенно учитывая непростые исторические отношения Китая с регионом (Dieter, 2009).

Коренные этнические группы в странах Юго-Восточной Азии обеспокоены растущим влиянием Поднебесной на политическую лояльность их этнического китайского населения. Многие представители диаспоры все больше отождествляют себя со своими соотечественниками, укрепляя свою коллективную идентичность как выходцев из Юго-Восточной Азии.

В Индонезии в последние годы отношения между этническими ассоциациями и Китаем становятся все более тесными. Только в 2011 году регион посетили 138 делегаций из Поднебесной.

Китаизация может быть обусловлена внутренними интересами стран Юго-Восточной Азии. Так, Сингапур взял на себя ведущую роль в возрождении китайской культуры, одновременно расширяя свое влияние на материковом Китае, где город-государство, несмотря на свои крошечные размеры, сегодня является единственным крупнейшим прямым иностранным инвестором. Кроме того, за счет мигрантов из КНР Сингапур нивелировал демографическую проблему низкого уровня рождаемости.

В Таиланде наблюдается аналогичная тенденция. До 1990-х годов китайскость и связи с Поднебесной часто рассматривались в политике и обществе как проблема. Теперь они стали стандартом для политиков и деловых людей. В последние годы несколько публичных граждан и видных деятелей страны открыто признали свое китайское происхождение, стремясь увеличить свою популярность внутри страны.

Феномен китаизации имеет и культурную сторону. За последнее десятилетие в Юго-Восточной Азии увеличилось число школ, в которых преподавание ведется на китайском языке. В Таиланде на сегодня функционирует самое большое количество институтов Конфуция в регионе (14 из 30); с 2003 года более 12 000 добровольцев из Китая прошли службу в Таиланде на всех уровнях образования. Только в 2015 году их насчитывалось более 1 500 человек, что составило около 17 % всех преподавателей, которых штаб-квартира Института Конфуция направила по всему миру.

В XXI веке этнические китайцы в регионе продолжают сталкиваться с трудным стратегическим выбором. Активная идентификация со своей родиной в Юго-Восточной Азии и политическая привязанность к ней являются доминирующей тенденцией в регионе. В то же время Китай и его растущее экономическое влияние в мире способствуют процессу китаизации, который уже привел к социальным и культурным изменениям в странах, где есть китайские диаспоры, что грозит частичной утратой идентификации теперь коренному населению.

Как видим, социально-политическое значение диаспор для развития государств можно охарактеризовать как разноплановое, определяемое национальными связями эмигрантов с родиной и отношением стран-источников к своим бывшим согражданам, оказавшимся за рубежом.

Интеграционные процессы в социумах с разнородным этническим населением объясняются ослаблением влияния исторических связей национальных меньшинств со своей родиной и сплочением населения перед лицом общих угроз. Революционная борьба разных народов Юго-

Восточной Азии с иностранцами-японцами, американцами, французами или англичанами, обеспечивала идеальную основу для формирования нового чувства общности и формирования новых национальных идентичностей. Антиимпериалистическая идеология, революционные герои и чувство общности легли в основу создания особого чувства государственно-национальной солидарности разных государств. Примером такого поведения граждан является история Таиланда.

Противоположные процессы в обществе принимающей мигрантов страны получают распространение в случае противопоставления переселенцев себя местному населению по какому-либо из признаков – религиозному, бытовому, социальному, мировоззренческому и т.д., как это произошло в Юго-Восточной Азии по отношению к мигрантам из Поднебесной на первом этапе их распространения в регионе. Однако следует признать, что определяющее значение в этом вопросе имеет поддержка переселенцев или отсутствие таковой со стороны государства-источника. Так, осознание Китаем необходимости увеличения своего влияния в глобальном пространстве привело к выраженной поддержке им своих граждан, проживающих за рубежом, следствием чего стал социальный феномен китаизации принимающих стран.

Список источников:

- Гордон А.В. Трансграничная миграция и образование диаспор: китайцы во Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 2. – С. 26–56. <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.02>
- Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2, № 4 (41). С. 39–53.
- Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2 (17). С. 157–163.
- Игошева М.А. Этническое предпринимательство в условиях современных миграционных процессов: опыт китайской диаспоры в России // Манускрипт. 2020а. Т. 13, № 9. С. 104–109. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20>
- Игошева М.А. Этническое предпринимательство китайской диаспоры «новой миграции» на примере экономически развитых стран // Гуманитарий Юга России. 2020б. Т. 9, № 4. С. 224–234. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17>
- Ле Ань Куан. Специфика интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии // Молодой ученый. 2010. № 6 (17). С. 150–156.
- Мосяков Д.В. Юго-Восточная Азия: формирование цивилизационной общности? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 2. С. 5–10.
- Найданов А.А. Понятие и условия возникновения диаспорной общины // Инновационная наука. 2016. № 1-3. С. 175–177.
- Попков В. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим сообществом // Диаспоры. 2003. № 3. С. 126–129.
- Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 80–95. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-5>
- Шарипова Г.У. Особая роль китайской общины в формировании этнического облика Малайзии // Academic Research in Educational Sciences. 2022. № 3. С. 978–984.
- Dieter H. Changing Patterns of Regional Governance: From Security to Political Economy? // Pacific Review. 2009. Vol. 22, iss. 1. P. 73–90. <https://doi.org/10.1080/09512740802651151>
- Kang D.C. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. N. Y., 2007. 296 p.

References:

- Dieter, H. (2009) Changing Patterns of Regional Governance: From Security to Political Economy? *Pacific Review*. 22 (1), 73–90. Available from: [doi:10.1080/09512740802651151](https://doi.org/10.1080/09512740802651151)
- Efremova, K. A. (2018) Gosudarstva Yugo-Vostochnoi Azii v poiskakh regional'noi identichnosti [Southeast Asian States in Search of Regional Identity]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problem razvitiya*. 2 (4 (41)), 39–53 (in Russian).
- Gordon, A. V. (2021) Transmigration and Formation of the Diasporas: Chinese in France. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika*. (2), 26–56. Available from: [doi:10.31249/rva/2021.02.02](https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.02) (in Russian).
- Igosheva, M. A. (2020) Ethnic Entrepreneurship of the Chinese Diaspora «New Migration» on the Example of Economically Developed Countries. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 9 (4), 224–234. Available from: [doi:10.18522/2227-8656.2020.4.17](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.17) (in Russian).
- Igosheva, M. A. (2020) Ethnic Entrepreneurship under Current Migration Situation: Experience of the Chinese Diaspora in Russia. *Manuskript*. 13 (9), 104–109. Available from: [doi:10.30853/manuscript.2020.9.20](https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20) (in Russian).
- Kang, D. C. (2007) *China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia*. New York. 296 p.
- Le An', Kuan (2010) Spetsifika integratsionnykh protsessov v Yugo-Vostochnoi Azii [Specifics of Integration Processes in Southeast Asia]. *Molodoi uchenyi*. (6 (17)), 150–156 (in Russian).
- Mosyakov, D. V. (2008) South-East Asia: the Formation of a Civilizational Community? *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. (2), 5–10 (in Russian).
- Naidanov, A. A. (2016) Ponyatie i usloviya vozniknoveniya diaspornoj obshchiny [The Concept and Conditions of Emergence of a Diaspora Community]. *Innovatsionnaya nauka*. (1-3), 175–177 (in Russian).
- Popkov, V. (2003) Diaspornaya obshchina – model' otnoshenii etnicheskikh migrantov s primayushchim soobshchestvom [Diaspora Community – a Model of Relations Between Ethnic Migrants and the Host Community]. *Diaspory*. (3), 126–129 (in Russian).
- Sharipova, G. U. (2022) Osobaya rol' kitaiskoi obshchiny v formirovani etnicheskogo oblika Malaizii [The Special Role of the Chinese Community in Shaping the Ethnic Image of Malaysia]. *Academic Research in Educational Sciences*. (3), 978–984 (in Russian).
- Sluka, N. A., Korobkov, A. V. & Ivanov, P. N. (2018) The Chinese Diaspora in the EU Countries. *Baltic Region*. 10 (3), 80–95.
- Zolotukhin, I. N. (2011) Kitaiskaya diaspora v Yugo-Vostochnoi Azii [The Chinese Diaspora in Southeast Asia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. (2 (17)), 157–163 (in Russian).

Информация об авторе

Ван Юнхао – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Wang Yonghao – postgraduate student of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.